

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ИСТОРИЯ КАК НАУКА? МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ И ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Наша гипотеза состоит в том, что причиной мифологизации истории может быть проблема в понимании истории как науки, а также принципов и целей работы ученого-историка и методики работы с историческим источником. Чтобы проверить эту гипотезу, мы исследуем школьные учебники истории, экзаменационные материалы и разные формы истории в публичном пространстве. Главным выводом статьи стало то, что история-как-наука замещается историей-рассказом начиная со школы и заканчивая исторической беллетристикой.

Ключевые слова: образование, история в публичном пространстве, учебники, историческая беллетристика, ЕГЭ, мифологизация.

Об авторах: Аванская Виктория Артуровна. РГГУ, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. viktysa@mail.ru. Тарбеев Игорь Михайлович РГГУ, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. actimel@yandex.ru

---

Понятие «история» довольно многозначно по своей природе и имеет несколько определений. Для нас важны два из них: история – наука о прошлой социальной реальности и история – рассказ о произошедшем (нарратив).

Мы предполагаем, что причиной широкой мифологизации истории как процесса является мифологизация и непонимание понятия истории-как-науки и смежных с ней понятий, например, ученый-историк; вместо этого история-как-наука в общественном сознании замещается историей-рассказом. Пытаясь найти источники этого замещения обратим внимание на способы контакта истории и общества – государственные образовательные институты (школа, средние и высшие образовательные учебные заведения) и публичное пространство (историческая беллетристика, научно-популярная история, фолк-хистори и т.д.).

Мы предполагаем, что замещение понятий научного и популярного дискурса начинается еще с изучения истории в школе, а продолжается обращением к истории в публичном пространстве. Эту гипотезу мы и будем проверять.

Данная статья разделена на две части. В первой части предпринята попытка рассмотреть возможные пути мифологизации истории в системе школьного образования, а во второй части рассматриваются научно-популярные проекты, в рамках которых активно транслируется исторический миф.

Образовательные институты

Предположим в несколько упрощенном виде, что основными элементами, на которых базируется школьное историческое образование являются *дата*, *имя (name)*, *событие*. Эти три фактологических элемента соединены казуальными связями. Мы полагаем, что такой классический подход к изучению истории в школьных практиках способствует мифологизации истории-как-науки.

При этом учитель и учебник транслируют исторические знания ученику, а экзамен оценивает результаты. На наш взгляд, самый нестабильный элемент школьного сегмента это – учитель, с которым может повезти, и тогда учебник будет лишь фактологическим справочником; а может не повезти, и тогда интерес к истории у учеников, если и был, то может исчезнуть на долгое время. Поэтому мы не будем пока включать фигуру учителя в наш анализ школьной системы исторического образования, потому что для этого нужны другие методы и задачи. Начнем мы с другого неотъемлемого элемента школьного образования – учебника.

История в школьном учебнике

Учебник – особая форма существования и трансляции научного знания. Особенности этой формы передачи знаний отмечал еще Томас Кун: «Понятие науки, выведенное из них (учебников – *В.А.*, *И.Т.*), вероятно, соот-

ветствует действительной практике научного исследования не более, чем сведения, почерпнутые из рекламных проспектов для туристов или из языковых учебников, соответствуют реальному образу национальной культуры» [6:18-19].

Как в учебниках подается материал, как он выстраивается, есть ли в нем место для методологии истории-как-науки и историка-как-ученого? Учебники по истории при минимальных отличиях в содержании, отличаются друг от друга немногим — объемом информации, методическим аппаратом, иллюстративным рядом. Из нескольких десятков учебников по истории России мы проанализируем четыре. Это учебники для старшей школы, и они довольно сильно отличаются друг от друга [3, 4, 5, 8].

История-как-наука: теория, определения, практика

Изучение истории в 10 классе начинается как бы сначала. Поэтому каждый учебник предваряется вводной статьей об истории в целом, содержание которой различно в этих четырех учебниках. Так, например, в учебнике Н.И. Павленко история представлена как предмет, который по мере увеличения фактического материала, усложнения его подачи, изменения угла зрения на происходившее постепенно приоткрывает свои тайны [8:3]. Именно поэтому историю в 10 классе начинают «сначала»: фактически, вся эта статья всего на одну страницу обосновывает концентрический подход к изучению истории в школе.

Кроме этого скупого введения есть и обобщение в конце учебника. Однако и здесь автор повторяется в утверждении, что подает уже знакомый материал основательнее и глубже. Тут же, неожиданно, впервые упоминает формационный и цивилизационный подходы, однако, не приводится никаких разъяснений, что это такое. Автор пишет: «Чем можно объяснить особенности отечественного исторического процесса? Нетрудно заметить, что большинство из них так или иначе свойственны традиционному обществу. Именно продолжи-

тельное существование в рамках традиционного общества, а затем мучительное сосуществование с обществом новым, индустриальным (сначала вовне, с задачей не отстать, а затем и внутри себя), порождали многие повороты, отступления и катаклизмы российской истории. Понимание этого и есть опыт истории, показывающий, что знание и гражданская ответственность всех и каждого помогут избежать эти самые повороты, отступления и катаклизмы» [8: 301].

Такие общие и бессодержательные фразы – не уникальная черта учебника Н.И. Павленко. Так, например, учебником под редакцией А.Н. Сахарова история определяется как «прекрасная и жестокая наука, потому что она призвана показать жизнь человеческого общества во всем ее многообразии — величии и падениях, замечательных делах, удивительных изобретениях, прекрасных движениях человеческих душ — и низких страстях; взаимопомощи и взаимовыручке людей — и насилиях над личностью человека и целых народов» [4:4-5]. Звучит очень литературно и благородно, но вместе с тем, что из себя представляет история-как-наука и зачем она нужна все еще никак не объясняется.

Эти два примера показательны, однако, они не означают, что во всех учебниках истории-как-науке нет места. Так, в учебнике Журавлевой, Пашковой и Кузина говорится, что история изучает «закономерности развития и изменения человеческого общества во времени». Отмечается, что «в зависимости от взглядов человека, его системы ценностей, один и тот же исторический факт может получить различное толкование, приобрести разное значение»; что «ни одна из существующих теорий не может дать универсальное и единственно верное объяснение событий и явлений прошлого. Но вместе с тем, различные подходы к изучению истории вовсе не означают отсутствия исторической истины: в процессе познания идет постоянное движение к более точной, а значит, достоверной картине развития человечества». Таким образом, здесь история не просто

определяется как наука, но и отмечаются ее особенности и сложности изучения.

Уникальный учебник образовательной серии «Школа 2100» дает еще более глубокий экскурс в теорию и методологию истории. Учебник делится на базовый и профильный уровни. В базовом учебнике в первой главе ставится вопрос о достоверности истории и знаниях о прошлом как мифе. Разбирается, что такое история, каков ее предмет, что такое исторический факт и историческое время, каковы функции исторической науки, что такое исторический источник. Уделяется внимание формам исторического знания, обсуждается фальсификация истории и соблазны историков заполнить пустоты своими догадками. Отдельно описывается «кухня» исторической науки. В этом подразделе рассказывается о видах источников с их достоинствами и недостатками, о методах исторической науки, о необходимости соблюдать принципы исторического исследования (упомянуты историзм, объективность, социальный подход и альтернативность). В профильной части обсуждается цель исторической науки, дается алгоритм анализа письменного источника, приводятся классификация методов исторической науки и правила оформления научного исторического исследования, предлагаются списки литературы для проведения собственного проекта-исследования и краткий алгоритм поиска информации в Интернете для осуществления исследовательских проектов [3:5-23].

Методология истории

Теперь рассмотрим то, каким образом учебники знакомят с методологией истории, особенностями работы ученых-историков и их ролью в получении знаний. Учебник под редакцией А.Н. Сахарова не содержит отдельных разделов, практических заданий для школьников по работе с источниками или историографией. Все ограничивается лишь редкими, нерегулярными цитатами из источников, которые служат для иллюстрации факто-

логического материала [см., например, 4:17]. Н.И. Павленко заявляет, что учебник познакомит учеников с методами работы исследователей и позволит заглянуть в их лабораторию [8:3]. Помимо фактологического изложения материала и традиционных вопросов в конце параграфа, в учебнике присутствует раздел «Над чем подумать и что обсудить», в котором учеников просят дать комментарий к приведенному высказыванию историка или выдержке из источника и сделать на их основе вывод.

Проблема заключается в том, что высказывания историков, писателей и публицистов¹ не включают в себя аргументацию; они представляют собой мнения, красочные определения, яркие характеристики. Источники же даются отдельно от историков, их нужно прочесть и сделать вывод. То есть, историки – это мнения, а источники – это факты и иллюстрации. На этом разделе знакомство с работой ученых заканчивается. Учебник Журавлевой, Пашковой и Кузина помимо развернутого теоретического описания упоминает источники и историков. Дает определение исторических источников и их классификация. Однако, в отличие от «Школы 2100» не демонстрируется методология работы с источниками. Также сжато описано развитие научных направлений в изучении российской истории. Досоветский период представлен именами В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. В. Соловьева, В. О. Ключевского и А. А. Шахматова. Советский период характеризуется распространением марксистской теории, которая, по мнению авторов, сейчас не может полностью объяснить историческое развитие. Уточняется, что историки СССР внесли значительный вклад в развитие исторической науки, однако, никаких примеров этого вклада не приведено. Заканчивается этот краткий историографический обзор замечанием, что важнейшие исторические проблемы продолжают исследоваться, что

---

¹ Так, к примеру, в учебнике могут предложить оценить и прокомментировать высказывания Пушкина, Белинского, Тургенева, Достоевского наравне с классическими историками. См., например, с. 179.

наука не стоит на месте. Примеры современных исследований, однако, тоже не приведены [5:5].

В учебнике есть раздел «Давайте обсудим», в котором, приводятся цитаты не только дореволюционных историков. Так, есть, например, цитаты из М. Блока и А.Я. Гуревича [5: 6]. В этом разделе приводятся мнения историков, предлагается высказать и свое мнение по рассматриваемому вопросу. Таким образом, предпринимается попытка «ввести» историков в повествование учебника, однако, это все равно сводится к краткому, емкому высказыванию-мнению. Отдельно отметим, что в общий обзор историков попадают только классические историки XIX в., а советская и современная история остаются не представленными. К этому вопросу мы еще вернемся во второй части статьи. Кроме того, есть раздел «Изучаем источник», где, например, приводится выдержка из «Повести временных лет» в переводе Д.С. Лихачева без какого-либо комментария историка [5:22]. Фрагмент завершается вопросами к учащемуся, например, «Что можно узнать о жизни Руси? Попробуйте восстановить обстоятельства написания источника» [5:73]. Фактически, ученику предлагается самостоятельно анализировать источник. Историк и источник вновь разделены: источник не нуждается в комментариях, он иллюстрирует или говорит «сам за себя». Итак, в этом учебнике можно найти важные для понимания истории-как-науки понятия. Но при этом все равно остается неясным что же делает исто, какова его роль, в чем состоят его методы, потому что историк снова представлен лишь яркой цитатой и «отделен» от источника.

Как мы уже писали выше, самым полным с точки зрения теории и методологии учебником является учебник проекта «Школа 2100», однако, он не получил широкого распространения. В рамках системы «учитель-учебник-экзамен» этот учебник не проходит главную проверку – ЕГЭ. Авторы учебника отмечает, что для сдачи ЕГЭ на высокие баллы необходимо более глубокое

понимание исторической картины мира, насыщенность ее очень большим объемом детальных знаний, весь набор которых не может уместиться в одном учебнике или справочнике. На практике это выливается в то, что авторы учебника, совмещая большое количество методологической информации с параллельным изложением истории России и мира, не смогли дать достаточное количество фактологического материала для сдачи ЕГЭ [3:8].

Проведенный нами довольно краткий анализ показал, что учебники находятся между двумя огнями: теоретическим осмыслением и объяснением истории-как-науки; и необходимостью предоставить фактологическую информацию для сдачи экзамена. Как правило, второй «огонь» побеждает: практическая необходимость становится важнее теоретической базы. В результате, история в учебнике сводится к заучиванию имен, дат и событий².

ЕГЭ по истории

ЕГЭ по истории призван оценить полученные учеником знания. Проверяя их по формальным критериям, он делает школьное историческое знание еще более фактологичным. Собственно, именно экзамен определяет то, какие задачи будут поставлены перед преподаванием. ЕГЭ по истории состоит из двух частей. Первая часть состоит из 19 заданий, за нее можно получить 31 первичный балл, что составляет 56,4 % от всей работы. Эта часть проверяет знание дат, хронологии, исторических личностей, терминов, культурных памятников и знание исторических карт – то есть, чистую фактологию. Вторая часть состоит из 6 заданий, за нее можно получить 24 первичных балла, что составляет 43,6 % от всей работы. В этой части в заданиях 20, 21 и 22 проверяются навыки атрибуции исторического текста, извлечения из него информации, анализа проблематики и позиции ав-

---

² К сожалению, формат данной публикации не оставляет места для подробного разбора содержания учебника. Несмотря на необходимость такого разбора, его пришлось отложить.

тора. Задания 23, 24 и 25 проверяют способности к причинно-следственному, структурно-функциональному, временному и пространственному анализу.

	Задания	Баллы	Процент
Часть 1	19	31	56,4 %
Часть 2	5	24	43,6 %
Итого	25	55	100%

Таким образом, половина экзамена основывается на проверке знаний по фактологии. Вторая часть, несмотря на внешнюю теоретичность, на деле все равно имеет множество вопросов по проверке знания фактов, например, указать десятилетие, назвать деятеля и название периода и т.д. В этом нет ничего плохого. К тому же, анализ содержания ЕГЭ по истории не является задачей нашей работы, но нельзя не отметить, что, определяя приоритеты в изучении истории у выпускников школ, ЕГЭ не проверяет понимание истории-как-науки. Если времени на изучение истории в школе не так много, а государственный экзамен ставит конкретные задачи по выучиванию конкретного материала, в который не входит понимание истории-науки, то возможность и необходимость понять историю-как-науку, вникнуть в ее методы и узнать об ученых историках стремятся к нулю. Таким образом, в школе ученик имеет дело с линейным нарративом, который состоит из дат, имен и событий, связанных между собой казуальными связями; с историком-учителем, который выступает как носитель мнения, а не как ученый со своими методами и принципами работы; а также с источником, который говорит «сам за себя», является иллюстрацией и хранилищем фактов, не нуждающемся в комментариях специалиста. Между тем, линейный нарратив всегда предполагает существование другого линейного нарратива, а школьное историческое

образование не дает инструментов для критики и выбора между различными, часто конфликтующими нарративами.

История в публичном пространстве

Перейдем к истории в публичном пространстве. История в нем принимает разнообразные формы проявления, количество которых со временем увеличивается. Для анализа нам нужно как-то ограничить это множество и сфокусироваться на каком-то одном аспекте. Мы отказались от анализа всех художественных форм исторической беллетристики (фильмы, спектакли, романы и т.п.). Художественные произведения не претендуют на объективное отображение прошлой реальности; они не скрывают, прежде всего, своей художественной ценности, в которой мифологизация прошлого является естественным элементом его образа³.

Мы сосредоточимся на «документальной» исторической беллетристике. В первую очередь это книги по истории, которые можно найти в библиотеках и книжных магазинах; кроме того, мы обратимся к популярным историческим журналам, интернет-пространствам, видеороликам.

Историю в публичном пространстве создают не только и не столько ученые. Авторы исторической беллетристики условно можно разделить на несколько категорий: не-историки (обычно журналисты или писатели, которые интересуются историей, но не имеют соответствующего образования); авторы с бэкграундом (т.е. с соответствующим гуманитарным образованием – историческое – культурологическое – филологическое – философское); историки-профессионалы (историки-практики,

---

³ Некоторые аспекты исторической романистики мы уже исследовали в рамках статьи. См. *Тарбеев И. М.* Исторические романы издательства «Вече» как срез современного российского исторического сознания. // Люди и тексты. Исторический альманах №10. Историческая беллетристика. М., 2017. С. 44-71.

не только имеющие бэкграунд, но и профессионально занимающиеся наукой); наконец, мемуаристы⁴.

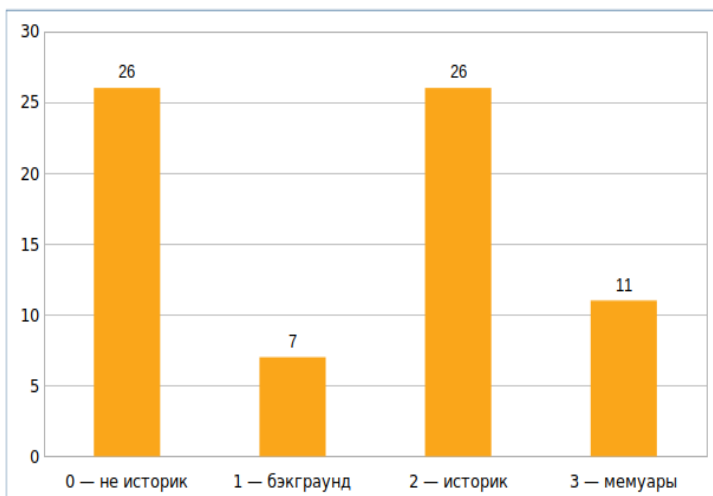
Каково реальное соотношение историков и не-историков, как распределено публичное пространство между этими категориями? Для каждого жанра исторической беллетристики распределение будет разным. Начнем с книг. Для того, чтобы понять, сколько книг принадлежит авторам из разных категорий, мы решили проанализировать ассортимент крупного интернет-магазина «Лабиринт»⁵.

Получилось два графика: один показывает распределение по категориям, второй объединяет 1, 2 и 4 категорию в одну (Не-Ученые).

---

⁴ Мемуаристике как особому жанру исторической беллетристики была посвящена отдельная часть прошлогодного сборника «Люди и Тексты» (Люди и тексты. Исторический альманах №10. Историческая беллетристика. М., 2017. С. 357-442). К сожалению, авторы концентрировались в основном на конкретных мемуарах, размышляя о роли тех или иных воспоминаний и об обществе, которое эти воспоминания породило. За пределами этих статей осталось комплексное осмысление места мемуаристики в публичном историческом пространстве, а также ее значения для исторического сознания того общества, которое ее потребляет, а не производит. Этот анализ еще только предстоит провести.

⁵ Мы отсортировали категорию «Отечественная история» по лидерам продаж, чтобы учесть не только наличие книг, но и их покупаемость: научные монографии можно найти в книжном, но они плохо покупаются из-за языка, дизайна, рекламы, имени автора и положения в самом магазине – их ставят на нижние полки, потому что они всегда будут плохо продаваться. Из этого списка, который состоял примерно из 1000 книг, мы сделали две выборки по 35 книг при помощи генератора случайных чисел.

Историки активно пишут популярные книги, однако все равно создают лишь треть рынка исторической литературы. К этой трети мы еще вернемся, а пока обратимся к 63% беллетристов. Как они создают свои произведения? Беллетристы отталкиваются от «классического»

линейного нарратива, который мы можем найти в учебниках по истории. «Классический» нарратив создает некий костяк из событий, дат и имен, объединенных казуальными связями. Взяв любой отрезок времени из этого нарратива, мы можем «увеличить масштаб» и рассказать об этом отрезке подробнее. Такое масштабирование позволяет показать дополнительные даты, имена и события, а значит, построить новые казуальные связи; причем иногда «скрытость» этих подробностей лишь усиливает эффект — можно сказать, что официальный нарратив умалчал о важных деталях, мотивах, причинах и следствиях. Беллетрист «вскрывает» настоящую историю, ре-интерпретируя весь выбранный отрезок времени, а также предшествующие и последующие ему события.

Ре-интерпретация важная часть альтернативного нарратива, это инструмент и часто цель, ради которой новый нарратив создается: нужно показать, что все было не так или хотя бы не совсем так. Ре-интерпретация должна основываться на новых фактах, которые предоставило масштабирование. Зачастую источником новых имен, дат и событий становится исторический источник. Его основная функция — предоставить факт и подтвердить концепцию. Кроме того, ссылки на источники выглядят очень убедительно: весь текст начинает мимикрировать под научно-исторический нарратив. Это важный момент. Для стороннего наблюдателя сочинение ученого-историка не отличается от сочинения исторического беллетриста. Историческая беллетристика так же приводит множество исторических фактов и деталей, ссылается на ученых-историков (у некоторых даже есть список литературы [9:570-575]) и архивные источники, приводит цитаты и выписки. Проверить эти свидетельства у рядового читателя, разумеется, нет никакой возможности (или это требует неоправданно много сил). Эта внешняя схожесть и похожие приемы⁶ превращают ис-

---

⁶ Сочинения историков тоже рассказывают подробнее о каком-то эпизоде истории, тоже используют исторические источники и часто

торическую беллетристику в равноправные альтернативные нарративы. В условиях ограниченного объема мы решили сфокусироваться на одном ярком произведении исторической беллетристики. Это позволяет нам, с одной стороны, проиллюстрировать на конкретном примере некоторые из тех наблюдений, которые мы уже описали; а с другой стороны, вычленить некоторые особенности исторической беллетристики, которые можно найти и в других сочинениях данного жанра.

Борис Акунин и «История Российского государства»

Труд Акунина наделал своим выходом много шума. Своей популярностью, которая во многом строится на популярности мастера детективного жанра, он привлек к себе внимание историков — к примеру, доктор исторических наук, профессор И.Н. Данилевский не только был научным рецензентом второго тома, но и дал ряд интервью с оценками этого сочинения.

Фактологические, методологические и концептуальные проблемы много томного труда мастера детективов обсудили многие⁷. Нас же интересует отношение исто-

---

ре-интерпретируют официальные нарративы (к, примеру, советские). Разумеется, историков за это винить нельзя — историки не могут перестать писать и переосмысливать события только потому, что беллетристы маскируются под них.

⁷ Соколов Н. П. «[История Российского государства](http://yakov.works/libr_min/18_s/ok/olov_nik_01.htm)» Акунина с точки зрения строгой науки. // URL: http://yakov.works/libr_min/18_s/ok/olov_nik_01.htm (дата обращения 18.03.2019).

Данилевский И. Н. Преданья старины глубокой // URL: http://scepsis.net/library/id_3541.html (дата обращения 18.03.2019) Снигирева, Т. А., Снигирев, А. В. Борис Акунин. «Любовь к истории»: между книгой и блогом. Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения, (2). 2013. 198-206.

Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В. Специфика дискурсивных практик в проекте Б. Акунина «История Российского государства» // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2016. №3.

Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В. Между историей и литературой: авторские стратегии Б. Акунина в «Истории Российского государства» // Пушкинские чтения. 2015. №XX.

рического беллетриста к историкам и источникам. Отношение беллетриста к науке и материалу кажется нам выходящим за пределы книг Акунина; в некотором смысле, определяющим историческую беллетристику как особый жанр; в этом отношении, вероятно, кроются причины и механизмы мифологизации истории.

Акунин и историки

Свое отношение к историкам Акунин обозначает сразу же, более того — и эта важная черта исторических беллетристов — он выстраивает свое писательско-исследовательское «Я» в зависимости от этого официально-академического «Другого»: «Я не выстраиваю никакой концепции. У меня ее нет. Всякий историк, создающий собственную теорию, не может совладать с искушением выпятить удобные для него факты и замолчать либо подвергнуть сомнению всё, что в его логику не вписывается. У меня такого соблазна нет.

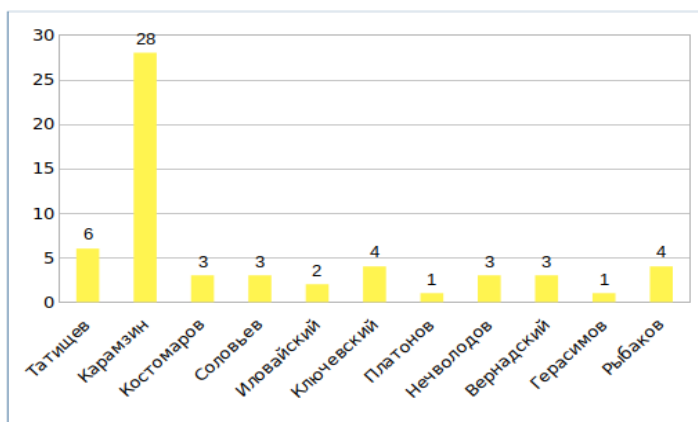
Кроме того, я решительный противник идеологизированной истории. И самовосхвалительная, и самоуничтожительная линии, обильно представленные в трудах отечественных историков, мне одинаково неинтересны. Я хочу узнать (или вычислить), как было на самом деле» [2:3]. Эта цитата предваряет каждый том.

В предисловии Акунин продолжает: «Из-за этого у многих историков возникает искушение прибавить рассказу о древних временах стройности и логичности, «дообъяснить» случившееся, причем гипотезам и догадкам придается вид установленного факта. Был такой соблазн и у меня, но я старался его преодолеть» [2:4].

Кто входит в эту общность «историки», кого он называет «историками»? Всех историков, которых упоминает Акунин, можно условно разделить на две части: конкретные личности и абстрактное «историки». Мы посчитали все упоминания конкретных историков, которые встречаются в первом и втором томе «Истории Российского государства». Всего Акунин упоминает историков 58

раз. Он назвал «лучшим биографом нашей страны» Ключевского [2:11], однако, больше всего ссылается на Карамзина⁸; меньше всего – на историков XX века: 86% упоминаний — это классические историки XIX века, на XX век приходится оставшиеся 14%⁹.

К остальным историкам Акунин обращается всегда абстрактно, например, «некоторые историки считают...», «большинство историков склоняются к версии...» или «историки спорят...» [2:86, 95, 143].

Современная наука как бы не имеет своих представителей — есть классические историки, которых мы знаем по именам; а есть некая общность, которая к чему-то приходит, о чем-то спорит или что-то считает.

Отдельно следует обратить внимание на то, что все «классические» историки XIX в. известны именно большими нарративами. Историков-методологов, к при-

⁸ Причины этого вполне понятны: именно на него Борис Акунин ориентируется, мысля свой труд именно как обновленную «Историю Государства Российского», к чему отсылает даже название.

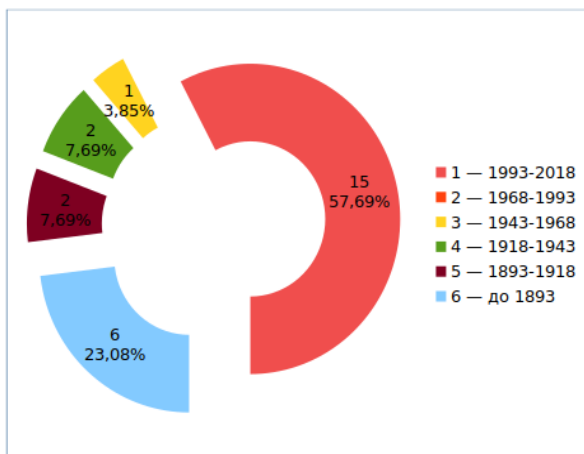
⁹ Рыбаков выступает лишь как иллюстрация идеологизированной советской истории, которой противопоставляет себя Акунин (три из четырех раз, см. с. 83, 162, 167.); Герасимов упоминается один раз как автор реконструкции облика Ярослава Мудрого.

меру, Шахматова, Акунин не упоминает. Может показаться, что это личное отношение Акунина: по какой-то причине он доверяет только классическим нарративистам. Отчасти, это и правда так. Тем не менее, дело не только в личности автора.

Вернемся к нашей выборке из книжного магазина и присмотримся поближе к 37% ученых-историков. Мы разделили их на пять временных периодов по дате выпуска книги. Конечно, перекос в пользу классиков XIX в. не так силен, как у Акунина. Больше половины научных монографий по истории были написаны за последние 25 лет¹⁰. Все остальные написаны больше чем 50 лет назад, причем значительная их часть попадает в категорию 100+ лет назад¹¹.

Дореволюционных историков постоянно переиздают, их имена широко известны. Несмотря на активность современных историков, их имена знает лишь узкий круг

¹⁰ Кажется, что 57% это очень неплохой результат. Важно, однако, помнить, что это процент лишь от ученых-историков, от общей выборки современные историки составляют 21%; остальные историки, соответственно, 16%.

¹¹ В диаграмме нет ошибки: второй период (1968-1993) действительно на ней отсутствует — в выборку не попала ни одна книга, написанная в этот период.

читателей, их известность нельзя сравнить с классиками вроде Карамзина или Ключевского. Известны классики и беллетристам: они не только их активно цитируют, но и инициируют переиздания классических трудов по российской истории¹².

Как используются «историки» в сочинениях беллетристов?

Абстрактное упоминание «историков» служит для того, чтобы показать какие-то незначительные спорные вопросы. Это играет важную роль, о которой мы уже говорили – беллетристы выстраивают свое «Я», разрешая те вопросы, в которых запутываются и которые замалчивают официальные историки.

Историки с именами – а это, в основном, историки XIX в. – разбираются на цитаты, с удачными характеристиками эпохи или личностей. Это возвращает нас к проблеме ученых-историков в школьных учебниках: точно так же и в исторической беллетристике ученые-историки становятся не проводниками истории-как-науки; они не выражают научный аргумент, не пускают в лабораторию ученого; они просто выражают мнение красивыми словами¹³. Они украшают текст, подкрепляют концепцию автора и приближают историческую беллетристику к научному тексту.

Таким образом, историки играют важную роль в исторической беллетристике, но не ту, которую они сами хотели бы играть. Они не представляют историю-как-

---

¹² Так, у Акунина есть серия с длинным названием «Библиотека проекта Бориса Акунина «История Российского государства»», в которой печатаются Валишевский, Карамзин, Костамаров, Соловьев, Ключевский, Платонов и другие¹². Аналогичная серия есть у Николая Старикова под названием «Стариков рекомендует», в которой вышли, в частности, учебник Платонова, «морская концепция» Мэхэна и «Психология масс» Лебона

¹³ Изредка труды ученых-историков могут становиться источником фактов для создания нарратива. Это происходит в условиях недостатка исторических источников. Подробнее этот вопрос см. в разделе «Акунин и исторический источник».

науку, а ре-презентуют либо ангажированность «официальных» нарративов, либо превращаются в мнение, красивое высказывание.

Акунин и исторический источник

Отношение к источнику – вторая характерная черта исторической беллетристики. Источник является основным поставщиком фактов – имен, дат и событий – которые составляют костяк нарратива.

Акунин активно пользуется источниками, черпая из них информацию. Однако, он не использует никакой конкретной методологии для работы с летописями, он не знает о существовании большой традиции изучения летописей: как мы уже говорили, для него не существует источниковедов, лишь историки-нарративисты. Источники как бы «говорят сами за себя».

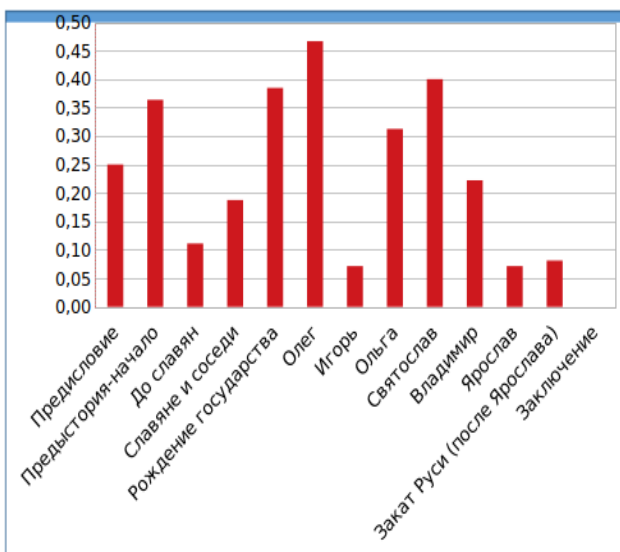
Конечно, автор не доверяет им слепо. Акунин разбирает подсчеты и свидетельства летописца. Но он никогда не прибегает к помощи историографии: ему не нужна интерпретация «официальных» историков, потому что он сам в состоянии взять и прочесть источник; а раз он в состоянии его прочесть — значит, он в состоянии его понять. Акунин черпает факты у историков лишь тогда, когда источники особенно скупы, но как только историков становится больше, ссылки на исследования историков практически прекращаются.

Мы решили подсчитать, в каком контексте и сколько раз Акунин ссылается на историков с именами в первом

томе своего труда¹⁴. Чтобы было удобнее сравнивать получившиеся данные, мы поделили количество упомина-

---

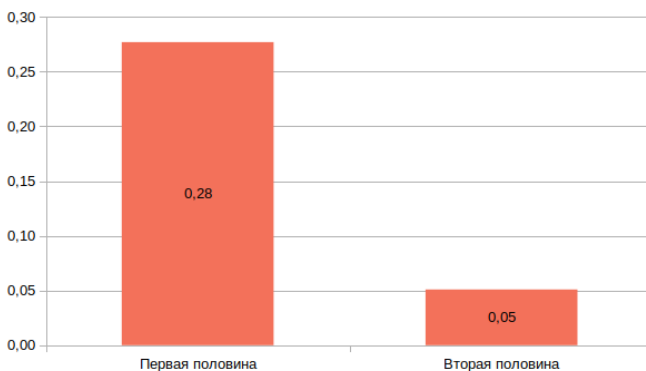
¹⁴ К сожалению, подсчитать количество ссылок на источники невозможно: Акунин далеко не всегда указывает, откуда он берет факты, хотя частенько и цитирует летописцев. С другой стороны, историков он цитирует всегда со ссылкой; иногда указывает, что пересказывает, например, Карамзина. Данные по историкам получаются полнее.

ний на количество страниц: получилось нечто вроде плотности упоминаний историков на страницу текста.

Мы видим явное снижение упоминаний историков к концу книги. Но на самом деле, этот график является несколько искаженным: вторая половина книги выражена лишь в трех темах — Ярослав, Закат Руси и Заключение.

Если мы подсчитаем плотность упоминания историков в первой части книги и во второй части книги, мы получим следующий график:

В чем может быть причина такого распределения? Акунин начинает историю издалека: первая четверть книги посвящена описанию и предыстории региона, на территории которого появится Русь. Дальше начинается рассказ о первых князьях. Для этого периода источников, по мнению Акунина, явно недостаточно [2:5], поэтому он черпает факты у историков. Во второй половине книги источников становится значительно больше, Акунин увлекается свидетельствами летописца: ему больше не нужны историки, летопись говорит сама за себя.

Во втором томе «Истории» упоминаний историков еще меньше (в первом томе средняя плотность 0.22, а во втором – 0.18). Акунин опирается на классические нарративы во время описания сложного периода раздробленности, но как только, по его собственному выражению, «рассказывать о событиях отечественной истории становится удобнее» [5:260], он снова все больше опирается непосредственно на источники. Кроме того, Акунин часто прибегает к помощи историков во время описания Орды — страны, языка источников которой он не знает.

Этот способ работы с источниками не является уникальным для Акунина. Даже наоборот — чем ближе источник к современности, тем меньше он нуждается в комментариях. Виктор Суворов и Николай Стариков совершенно спокойно цитируют нужные им источники без какого-либо источниковедческого анализа.

Кажется, на это есть несколько причин. Во-первых, современность переносится на прошлое, и чем ближе прошлое, тем этот эффект сильнее. Совершенно не нужно что-то делать с источниками советской эпохи, с ними «все понятно». Во-вторых, меняется язык: Акунину нужен хотя бы перевод летописей и словарь древнерусского языка. Источники XVIII – XIX вв. написаны уже понятным языком, а XX век вообще не нуждается ни в каком комментировании. В-третьих, источников становится довольно много: всегда можно выбрать «нужное» свидетельство, и источник сам скажет за себя.

Кроме того, источник, «говорящий сам за себя», вновь возвращает нас к школьному учебнику, в котором куски из летописей и документов предлагаются ученикам для иллюстрации и самостоятельной оценки без какого-либо источниковедческого комментария.

Итак, беллетристы используют историков либо для того, чтобы оспорить, либо для того, чтобы найти поддержку, удачное описание или факты, которых нет в источнике. Историк-ученый превращается в историка-мнение, который знает много деталей.

Вместо исследований беллетристы обращаются непосредственно к источнику. По мнению писателей, источник говорит «сам за себя», и не нуждается с специальным источниковедческим анализе или применении каких-то особых методов для его прочтения. Исходя из этого может быть сформировано ошибочное мнение, что историк – это такой человек, который знает много деталей, потому что его работа заключается в поиске и чтении источников. Для этого не нужно специальных навыков и знаний. Если кто-то еще найдет источники, которые историки скрыли или не нашли, он сможет создать равноправный альтернативный нарратив о том, «как было на самом деле» [2:5].

Виноваты ли в этом историки?

Логичным кажется вопрос – виноваты ли сами историки в таком отношении к себе? На наш взгляд, да – отчасти виноваты. Историки, выходя к публике (на лекциях, теле- и интернет-выступлениях или страницах журналов), дают аудитории масштабированный линейный нарратив, состоящий из дат, имен и событий; высказывают свое мнение (именно мнения, а не научную точку зрения) и рассказывают интересные подробности. Они не пускают зрителя в свою лабораторию, не говорят о проблемах, о принципах и приемах работы; то есть, не формируют комплексного представления о тех или иных историче-

ских процессах и не представляют свой богатый исследовательский инструментарий.

Возьмем для иллюстрации любой номер журнала «Историк», например, за март 2017 г. Номер посвящен отречению Николая II от престола – важному и противоречивому эпизоду нашей истории.

Журнал с громким названием «Историк» действительно довольно часто привлекает в качестве авторов профессиональных историков. Однако, структура журнала построена так, что их статьи стоят в одном ряду со статьями режиссеров, потомков участников событий и беллетристов, что, на самом деле, вполне объяснимо – и те, и другие лишь высказывают субъективные мнения и пишут масштабированные нарративы. Историки есть, но отличить их от беллетристов невозможно. Одну из причин этого можно усмотреть, например, в том, что журнал «Историк» не скрывает и своей политизированности. Даже слоган журнала – «журнал об актуальном прошлом» – как бы подтверждает известное высказывание Михаила Покровского, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое».

Историки выступают с мнениями и занимательными подробностями не только на страницах журнала «Историк». Проект «Постнаука» приглашает известных историков для записи небольших роликов по 8-10 минут, посвященных историческим событиям, периодам, явлениям или личностям. Тем же занимается проект «Арзамас», который еще больше напоминает собрание исторических анекдотов – отдельных занимательных деталей из истории культуры. Историки лишь добавляют авторитетности мнениям и деталям, но это мало меняет суть – контент представляет собой отдельные эпизоды, вырванные из контекста, методологических и концептуальных подходов столь необходимых для их понимания. Такие рассказы, по сути, принимают форму исторического анекдота. Такие форматы, безусловно, имеют права на существование, в них нет ничего плохого. Но все

вместе они образуют лишь множество мнений, занимательных деталей, исторических анекдотов и биографий. В создании этого множества участвуют и профессиональные историки, и исторические беллетристы. И в таком формате они мало чем отличаются друг от друга.

Наверное, ярчайшим примером этого визуального сходства является недавний спор между историком Олегом Соколовым и беллетристом Евгением Панасенковым. Пытаясь раскритиковать труд Панасенкова с громким названием «Первая научная история войны 1812 года» (который, разумеется, очень похож на научную работу – куча ссылок, список литературы и т.д.). С точки зрения стороннего наблюдателя, невозможно понять, кто прав: оба ссылаются на историков и на архивные источники, оба обвиняют друг друга во лжи и плагиате, оба переходят на личности. В результате выбрать сторону Соколова мы можем лишь по одной причине — из-за авторитетности его научной степени и ученого звания¹⁵. Но хотим ли мы, чтобы публика не слушала аргументы,

---

¹⁵ Интересно, что Олег Соколов использует свою признанность научным сообществом как основной аргумент: это и степень, и ученое звание, и публикации в авторитетных журналах, и переводы книг – все это он активно перечисляет и показывает. Бруно Латур сказал бы, что он мобилизует в свою поддержку множество сторонников. Однако беллетрист отрицает авторитетность самого научного сообщества, а, значит, и все выданные им звания и регалии.

Проблема различия историка и беллетриста состоит еще в длине аргументов: чтобы выслушать обе стороны, зрителю нужно посмотреть больше 5 часов видео. В результате, публика просто делится на сторонников одного и другого, каждый лагерь смотрит только видео «своего кандидата» и заочно осуждает другого. Дебаты превращаются в спор мнений.

Ход спора: 1) Олег Соколов о книге Е. Панасенкова «Первая научная история войны 1812 года» // <https://youtu.be/6TybZGxvKVg>; 2) Евгений Панасенков громит вора и лжеца Олега Соколова: исторический блокбастер! // <https://youtu.be/mapXLUVNTXs>; 3) Олег Соколов о псевдоисторике Панасенкове // <https://youtu.be/N5JhCbMJeJw>; 4) Е. Панасенков: грандиозное разоблачение плагиатора О. Соколова и шайки мошенников от истории // <https://youtu.be/ovds3qPUeF4>

а лишь трепетала перед авторитетами? Это подводит нас к еще одной проблеме. Историки хотят, чтобы их слушали просто так, потому что они ученые, профессионалы. Они не желают показывать свои методы и рассказывать об особенностях работы, их научные статьи и монографии написаны не для широкой публики. Историки рассказывают лишь о результатах, они всегда как бы пишут учебник. Историки хотят быть сообществом друидов: закрытым, но очень авторитетным. Авторитет, однако, не привлекает читателя сам по себе. Особенно, когда мнение этого научного «авторитета» можно легко оспорить, используя те же приемы, но найдя другие документы, даты, события и имена и выявив иную казуальную связь – чем активно пользуются беллетристы.

Итак, завершая, мы возвращаемся к вопросу: существует ли история как наука? Кажется, что в публичном пространстве не существует. Нет ее и в школе. В школьной системе «учитель-учебник-экзамен» нет места историку-практику и его методам работы. Источник служит просто иллюстрацией и говорит «сам за себя». История остается набором дат, имен и событий, связанных казуальными связями. Все это не способствует формированию инструментария для критики нарративов и представлений об истории-как-науки. В результате этого история в публичном пространстве существует в форме альтернативных линейных нарративов, исторических анекдотов и занимательных фактов. История-как-наука полностью замещается историей-рассказом.

Литература

Акунин Б. История Российского государства. Ордынский период. М., 2014. 394 с.

Акунин Б. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2013. 395 с.

История России и мира (От родовых общин до национальных государств. С древнейших времен до начала XVI века). 10 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый и профильный

уровни): в 2 кн. Кн. 1 / Д. Д. Данилов, А. В. Кузнецов, Д. В. Лисейцев, В. Г. Петрович, Д. Ю. Беличенко. М., 2013. 400 с.

История России с древнейших времен до конца XVII века. Ч. 1: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений / А.Н. Сахаров. 10-е изд. М., 2012.

История России: 10 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / О.Н. Журавлева, Т.И. Пашкова, Д.В. Кузин; под общ. ред. чл.-корр. РАН Р.Ш. Ганелина. М., 2003.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. 310.

Люди и тексты. Исторический альманах №10. Историческая беллетристика / глав. ред. М.С. Бобкова. М., 2017. 457 с.

Павленко Н.И. История России с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений / Н.И. Павленко, И.Л. Андреев, Л.М. Ляшенко; под ред. А.Ф. Киселева, Н.И. Павленко. 5-е изд., стереотип. М., 2012.

Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День «М»: Когда началась Вторая мировая война. М., 1994. 575 с.